

СИЛА ЛЮБВИ.

(Изъ бышнѣ войны).

I.

В яркое манчжурское солнце нестерпимо жжетъ землю. Въ раскаленномъ воздухѣ не чувствуется ни малѣйшаго дуновения вѣтерка. Вся природа какъ бы истомилась отъ зноя и притихла въ томительномъ ожиданіи вечерней прохлады. Нигдѣ ни звука.... Только едва слышно журчить, струясь по камнямъ, прозрачная горная рѣченка, стальной лентой прорѣзывающая ярко зеленую долину, красиво раскинувшуюся между двумя горными хребтами, густо заросшими мелколѣсьемъ. Тамъ, гдѣ долина суживается и сдавливающія ее горы образуютъ узкое, похожее на трещину, ущелье, сквозь густую зелень деревьевъ бѣлѣтъ одинокая фанза. На первый взглядъ фанза кажется необитаемой. По крайней мѣрѣ, ни на дворѣ, ни около нея не видно ни одного живого существа: не суетятся хлопотливыя куры, не бѣ-

гаютъ высоконогія китайскія свиньи, неизбѣжныя во всякомъ китайскомъ хозяйствѣ. Даже собакъ нигдѣ не видно. Какъ слѣпые смотрятъ на яркое солнце деревянные переплеты широкихъ оконныхъ рамъ, заклеенные сѣрватою бумагой, замѣняющей въ Манчжуріи стекла. Двери наглухо закрыты. Высокій заборъ, связанный изъ стеблей гаоляна, съ боковъ закрываетъ фанзу, скрывая за собою на диво обработанный небольшой огородикъ. Крошечныя грядки, ровныя, изячно обдѣланныя, тянутся въ симметричномъ порядкѣ, оставляя между собою песчаныя дорожки. Акуратно вытесанныя жердочки поддерживаютъ ползучіе стебли горошка и бобовъ. Своеобразная китайская капуста кокетничаетъ своимъ курчавыми головками, желтѣютъ, зарывшись подъ широкіе листья, огромныя тыквы.... Тутъ же на огородѣ у задней стѣны фанзы, въ тѣни, бросаемою навѣсомъ крыши, стоитъ огромный неуклюжій китайскій гробъ, сколоченный изъ толстыхъ, массивныхъ досокъ и подмалеванный по бокамъ яркими узорами. Гробъ совершенно новый и, очевидно, заготовленъ запасливымъ хозяиномъ фанзы для своей особы на тотъ случай, когда ему вздумается, наконецъ, покинуть этотъ міръ. Хорошій китайскій обычай, знакомый и нашимъ монастырямъ, гдѣ отшельники загодя заготавливаютъ въ своихъ кельяхъ гробъ для своего успокоенія.

День медленно склонялся къ вечеру. Солнце еще высоко стояло въ небѣ, затопляя долину яркими лучами, но въ ущельѣ уже ступали тѣни и начинала ощущаться предвечерняя прохлада....

Откуда-то потянуло легкимъ дуновеніемъ вѣтерка и вмѣстѣ съ нимъ гдѣ-то чуть слышно звякнула подкова о каменистый грунтъ. Черезъ нѣсколько минутъ стукъ подковъ сталъ яснѣе. Можно было легко опредѣлить, что идетъ нѣсколько лошадей.... Огромный орелъ, неподвижно сидѣвшій на остромъ каменномъ выступѣ, надъ самой тропинкой, выщейся по дну ущелья, безпокойно взъерошилъ перья, наклонилъ на бокъ голову, помялся съ минуту, какъ бы въ нерѣшимости, и вдругъ, распустивъ широкія могучія крылья, тяжело сорвался со скалы и взмылъ кверху, описывая въ прозрачномъ воздухѣ гигантскіе ровные круги. Изъ-за поворота тропинки словно вынырнула косматая лошаденка съ рослымъ всадникомъ на спинѣ. Слѣдомъ за первымъ всадникомъ, держась отъ него въ нѣсколькихъ шагахъ, показался другой. По желтымъ околышамъ фуражекъ и желтымъ лампасамъ на выцвѣтшихъ шароварахъ легко можно было признать забайкальскихъ казаковъ.

Оба всадника ѣхали, внимательно посматривая впередъ и по сторонамъ. Притомившіеся кони шли, понуривъ головы, вялымъ

короткимъ шагомъ.... За передовыми двумя вскорѣ показалось еще нѣсколько всадниковъ, человекъ 20... все забайкальцы. Впереди ихъ, на саврасомъ иноходцѣ, ѣхалъ молодой смуглый офицеръ, съ большими черными глазами, загорѣлый, запыленный, въ сѣромъ кителѣ и сѣрой фуражкѣ. Выѣхавъ въ долину, передовой дозоръ остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ фанзы, ожидая остальныхъ. Скоро весь отрядецъ сгрушировался передъ фанзой.

— Слѣзай! звонкимъ юношескимъ голосомъ скомандовалъ офицеръ, быстро соскакивая съ своего иноходца. Очутившись на землѣ, онъ, прежде всего, принялся разминать ноги, очевидно, сильно отѣкшія отъ долгаго пребыванія въ сѣдлѣ. Тѣмъ временемъ, пока онъ прохаживался взадъ и впередъ, останавливаясь и потягиваясь всѣмъ своимъ молодымъ стройнымъ корпусомъ, отъ группы казаковъ отдѣлилось двое бородачей и неторопливой развалистой походкой направились къ фанзѣ. Потрогавъ припертую изнутри дверь, они обошли фанзу кругомъ и, проткнувъ пальцами бумагу въ рамѣ, внимательно заглянули въ полутемную внутренность фанзы.

— Эй, ходя ¹⁾, отопри штоль? крикнулъ одинъ изъ нихъ, замѣтивъ въ дальнемъ углу притаившуюся фигуру китайца.— Не бойся, мы тебѣ, дурья голова, худого не сдѣлаемъ. Отвори скорѣй!

Старикъ китаецъ, недовѣрчиво поглядывая на окна, продолжалъ жаться въ своемъ углу.

— А пострѣли ты въ бороду! разсердился другой казакъ.— Ишь притулился ровно заяцъ.... Отворяя, говорятъ тебѣ, а то силою дверь вышибемъ!

И, какъ бы въ подтвержденіе угрозы, онъ изо всей силы ударилъ въ дверь носкомъ тяжелаго сапога. Дверь жалобно застонала, но не поддалась. Очевидно она была изнутри надежно забарикадирована.

— Э, чортъ! Изви тебя! разсердился казакъ, готовый уже всерьезъ вступить въ упорное ратоборство съ упрямо неподдающейся ему дверью, но въ эту минуту китаецъ вдругъ стремительно покинулъ свой уголъ и бросился оттаскивать колья, подпиравшіе дверь.

— Давно бы такъ, косопалый чортъ, снова принимая миролюбивый тонъ, поощрили старика казаки: а то зацемился въ фанзѣ, какъ турханъ, а еще *латуза* ²⁾.

— Шанго ³⁾, казакъ, шибко шанго, хао ⁴⁾, бормоталъ тѣмъ временемъ китаецъ, присѣдая и оскаливая свой беззубый смор-

1) Обращеніе къ китайцамъ—равнозначащее русскому: «братецъ!»

2) Латуза—старикъ.

3) Шанго—хорошо (по-манчжурски).

4) Хао—хорошо (по-китайски).

ценный ротъ въ привѣтливую улыбку. Онъ дружески похлопывалъ казаковъ ладонью руки, изсохшей, какъ у муміи, въ тоже время робко и подобострастно засматривая имъ въ глаза.

— Ладно, нечего лисить-то, добродушно ворчали казаки. — А чего не отворялъ, когда требовали?... Тебѣ за такое неповиновеніе «пилюю» бы ⁵⁾ слѣдовало, ходя, понялъ — «пилюю?» И, говоря такъ, казакъ сунулъ свой объемистый кулакъ подъ самый носъ китайцу. Китаецъ еще больше осклабился и заговорилъ голосомъ, которому старался придать какъ можно больше ласковой почтительности: — «Пилюля» худа есть, шибко худа.... Моя «пилюля» не хочеть, хихикалъ онъ; моя латуза шибко шанго, шибко знакомъ будешь....

— Будешь тутъ съ тобой шибко знакомъ, передразнилъ казакъ. — Небось ничего нѣтъ? добавилъ онъ строго, заглядывая ему въ глаза. — Ну-ка, отвѣчай! Муде ⁶⁾ ю? Китана ⁷⁾ ю?

— Мію ⁸⁾! жалобно развелъ руками китаецъ. — Мію! еще безнадежнѣе повторилъ онъ. — Моя латуза шибко бѣдна есть. Муде мію, китана мію, чушекъ ⁹⁾ мію....

— Мію, мію, съ досадою передразнилъ казакъ. — Знаемъ мы вашъ мію, а поискать — все окажется «ю». Невѣрный вы народъ, ходя, вотъ что я тебѣ скажу!

— Нечего съ нимъ тутъ много растабарывать, перебилъ другой казакъ. — Поищемъ потомъ сами, а пока что доложить хорунжему, фанза хоша не бравая ¹⁰⁾, а для ночевки подходящая!...

II.

Ярко свѣтитъ луна, заливая долину матово-серебристымъ свѣтомъ. У одинокой фанзы, скрытая деревьями, устало пофыркиваютъ казачьи кони, лѣниво пережевывая сухіе стебли чумпзы. Тутъ же, разваливъ прямо на землѣ, безмятежно спятъ казаки, сладко похрапывая и вздыхая во снѣ во всю ширь могучей казацкой груди. Въ фанзѣ спятъ только хорунжій, урядникъ да старый латуза-китаецъ... Впрочемъ, послѣднему плохо спится. Свернувшись калачикомъ на жесткомъ канѣ ¹¹⁾, онъ безпокойно и чутко прислуши-

⁵⁾ «Пилюля» — ударъ кулакомъ. Слово невѣдомо кѣмъ введенное, но скоро получившее права гражданства въ объясненіи съ китайцами.

⁶⁾ Муде — яйца.

⁷⁾ Китана — курица.

⁸⁾ Мію — нѣтъ, ю — есть.

⁹⁾ Чушка — свинья (на русско-китайскомъ жаргонѣ).

¹⁰⁾ На забайкальскомъ нарѣчьи — неисправная.

¹¹⁾ Канъ — родъ лежанки, идущей во всю длину фанзы. Китайцы весь день проводятъ на немъ. Канъ — для нихъ и обогревательная печь и сидѣніе и лежанка.

вается къ порохамъ ночи. Удивляется старѣйшій китаецъ безопасности русскихъ. Видѣлъ онъ, какъ съ вечера, по приказанію офицера, двоихъ казаковъ съ ружьями поставили впереди фанзы, за кустами, караулить долину, а двухъ другихъ помѣстили на высокомъ скалистомъ выступѣ, откуда была далеко видна тропинка, прихотливо извинаящаяся по ущелью, но недолго прободрствовали караульные казаки. Не прошло и часа, какъ и тѣ, что караулили долину, и тѣ, кому была поручена охрана ущелья, спали глубокимъ сномъ, положивъ подлѣ себя заряженные винтовки... Подивился на такую безопасность старѣйшій манза ¹²⁾. Думалъ онъ было разбудить казаковъ и внушить имъ, чтобы они были осторожнѣе, такъ какъ въ окрестностяхъ, какъ ему доподлинно извѣстно, бродятъ японскіе разъѣзды и патрули, но безотчетный страхъ, внушаемый казаками, не позволилъ ему нарушить ихъ отдыхъ... Бойся латуза русскихъ, но еще больше того боится японцевъ. Если невзначай узнаютъ, что русскіе ночевали у него, а онъ не далъ знать о томъ старшинѣ сосѣдняго селенія, который въ свою очередь обязанъ былъ сообщить объ этомъ на ближайшую японскую заставу, тогда плохо ему будетъ. Японцы не церемонятся, а голова простого манзы въ ихъ глазахъ не дороже кочна капусты. Снять ее проще простого. Знаетъ это латуза и дрожить въ рваныхъ лохмотьяхъ, едва прикрывающихъ его наготу, но тѣмъ не менѣе доносить на русскихъ онъ несогласенъ. Положимъ, казаки зарѣзали у него трехъ послѣднихъ куръ и пѣтуха, которыхъ онъ такъ искусно скрылъ въ глубокой ямѣ подъ самой стѣнной фанзы, закидавъ ее сверху хвостомъ; они же розыскали запрятанную въ солому крыши чумизу и сварили изъ нея кашу, а для своихъ лошадей забрали весь остатокъ гаоляна, хранившійся у него на огородѣ, но «манза» на это нисколько не въ претензіи. Во-первыхъ, казакамъ ѣсть надо—они два дня уже какъ выѣхали въ дальнюю развѣдку и питались одними только сухарями; во-вторыхъ, забирая все это, не только не били и не ругали его, какъ это дѣлали приходившіе на прошлой недѣлѣ японцы, съѣвшіе у него обѣихъ чушекъ, а, напротивъ, ласково похлопывали его по плечу, добродушно приговаривая: «Шанго, латуза», «шибко шанго, знакома будешь!» Мало того, когда курицы и чумизная каша были сварены, казаки пригласили и его къ чашкѣ, кто-то далъ ему ложку и онъ властью наѣлся вкуснаго хлеба. Наконецъ, и это самое главное, молодой казачій капитанъ далъ ему за все у него забранное двѣ кругленькихъ золотыхъ монеты...

¹²⁾ Манза — крестьянинъ, чернорабочій.

За всю свою долгую жизнь первый разъ держалъ латуза на своихъ мозолистыхъ ладоняхъ золотыя монеты. И серебряныя-то рѣдко попадали ему въ руки, а золотыхъ онъ не видывалъ, только слышалъ о нихъ... До сихъ поръ онъ имѣлъ больше дѣла съ мѣдными чохами ¹³⁾, да и тѣ не очень часто баловали его своимъ посященіемъ. Въ первую минуту, почувствовавъ на своей высохшей морщинистой ладони двѣ блестящихъ монетки, латуза ошалѣлъ и долго пристально смотрѣлъ на нихъ, потомъ вдругъ присѣлъ на корточки и разразился дребезжащимъ хохотомъ.

— Шибка шанго, капитанъ, аѳадэ капитанъ, денга—много, много! радостно твердилъ онъ, присѣдая и любовно дотрагиваясь до плеча молодого офицера.

— Да, русскіе не то, что японцы, разсуждалъ, лежа на канѣ, латуза.—Тѣ съѣли моихъ чушекъ и, уходя, заплатили какими-то бумажками. Даже и не денги, а ярлычки какіе-то... Объясняли будто это квитанціи подъ тѣ денги, которыя они получаютъ отъ русскихъ, когда побьютъ ихъ... Латузѣ даже смѣшно стало при мысли, что японцы могутъ побить русскихъ...— Развѣ есть на свѣтѣ народъ сильнѣе русскихъ? И франки и инглезы гораздо слабѣе ихъ и войска у нихъ меньше... Латуза самъ убѣдился въ этомъ, когда заморскіе діаволы приходили воевать съ самой богдыханшей... У инглезовъ и франковъ людей было съ горсточку, а русскихъ очень много... А японцы собираются ихъ побить... Хвастаютъ нарочно, чтобы за чушекъ вмѣсто денегъ платить какія-то ни на что негодныя бумажки... При мысли объ этихъ бумажкахъ, полученныхъ имъ отъ японцевъ, которыя онъ все-таки спряталъ, на всякій случай, двѣ золотыя монетки, полученныя имъ отъ русскаго офицера, въ глазахъ латузы принимаютъ огромную цѣнность и кажутся ему цѣлымъ капиталомъ. «Шанго, капитанъ, шибко шанго, аѳадэ, капитанъ», шепчетъ про себя латуза, а самъ чутко прислушивается... Старъ латуза, глаза начинаютъ измѣнять, но ухо его попрежнему чутко и слышитъ это ухо что-то неладное... Словно огромная змѣя ползетъ по ущелью и глухо шуршитъ своей высохшей кожей по камнямъ... Осторожно поднялся латуза съ кана и вышелъ изъ фанзы... Почъ уже давно перешла за половину. Поблѣднѣвшая луна медленно угасала, слегка закутанная туманной дымкой прозрачныхъ облаковъ, красивымъ узоромъ протянувшихся отъ вершины дальней сопки черезъ весь необъятный просторъ сияющаго небосвода. Изъ темнаго ущелья чуть струился засвѣжѣвшій подъ утро вѣтерокъ. Шорохъ ползущей змѣи яснѣе долетѣлъ

¹³⁾ Чохъ—мелкая китайская мѣдная монета.

до слуха латузы. Теперь онъ уже не сомнѣвался въ значеніи этого пороха. По ущелью шли люди, обутые въ мягкую обувь... И много ихъ было. Старикъ не теряя времени, быстро, насколько позволяли ему старческія ноги, выбѣжалъ на ближайшую скалу и, притаившись за огромнымъ камнемъ, осторожно заглянулъ въ ущелье... Онъ увидѣлъ передъ собой длинную фалангу японской пѣхоты. Закинувъ за плечи ружья, японцы шли по двое, мягкимъ эластическимъ шагомъ. Впереди ихъ шелъ молодой китаецъ. По тому, съ какими предосторожностями подвигался отрядъ, а еще больше по тѣлодвиженіямъ китайца-проводника, латуза догадался, что японцы знаютъ о присутствіи русскихъ и рассчитываютъ застать ихъ врасплохъ... Латуза проворно сползъ съ утеса и, быстро подбѣжавъ къ казакамъ, принялся расталкивать ихъ. Но разоспавшіеся безпечные забайкальцы только глухо мычали, качая отяжелѣвшими головами... Внѣ себя отъ страха латуза кинулся въ фанзу и изо всѣхъ силъ дернулъ за руку офицера... Тотъ разомъ проснулся.

— Что такое, въ чемъ дѣло? забормоталъ онъ спросонья, но, увидѣвъ передъ собой искаженное ужасомъ лицо латузы и не понимая, что ему надо, офицеръ опасливо потянулся за револьверомъ.

— Ибэнь, ибэнь! ¹⁴⁾ хрипло даваясь, простоналъ латуза, указывая пальцами на дверь. Офицеръ мгновенно понялъ. Его красивое лицо слегка поблѣднѣло, темные глаза вспыхнули, онъ выхватилъ изъ кобуры револьверъ и однимъ прыжкомъ очутился у дверей. Пригнувшись подъ заборомъ, подсунувъ подъ себя винтовки, безмятежно спали казаки. Впереди въ нѣсколькихъ шагахъ отъ фанзы, около входа въ ущелье, сладко дремали часовые, а дальше, торопливо примыкая на ходу штыки къ ружьямъ, бѣглымъ шагомъ спѣшили японцы.

— Погибли! молніей пронеслось въ головѣ офицера, но онъ не потерялся. Собравъ всю силу легкихъ, онъ дикимъ пронзительнымъ, не своимъ голосомъ завопилъ: «Японцы! тревога! японцы!» и, вскинувъ револьверъ, не цѣлясь выстрѣлили, разъ, другой, третій... При звукѣ выстрѣловъ казаки разомъ очнулись... Одна минута, и всѣ уже были на ногахъ.

— Къ конямъ! зычнымъ голосомъ скомандовалъ офицеръ, первымъ бросаясь къ своей лошади... Но было уже поздно. Японцы успѣли обѣжать фанзу и, окруживъ ее живымъ кольцомъ, открыли огонь... Часто, часто затрещали выстрѣлы японскихъ магазинокъ. Пули, зловѣще посвистывая, забороздили воздухъ... Казаки, многіе не успѣвъ еще вскочить въ сѣдло, какъ подкошенные, стали ва-

¹⁴⁾ Ибэнь—японцы.

литься, поражаемые предательскими выстрѣлами. Нѣсколько лошадей упало и съ жалобнымъ ржаніемъ принялось биться на землѣ, заливая ее горячей кровью. Нѣсколько казаковъ, успѣвшихъ сѣсть на коней, выхватили шашки и съ отчаяніемъ ринулись на цѣль стрѣлковъ, въ надеждѣ, прорвавъ ее, ускакать, но японцы не дали проскакать имъ и нѣсколькихъ шаговъ... Весь огонь какъ бы слился въ одну струю свинца, направленную въ смѣльчаковъ... Черезъ минуту ихъ тѣла уже корчились на землѣ, залитая кровью, и только тремъ, четыремъ какимъ то чудомъ удалось прорвать это огненное кольцо и ускакать, но и изъ нихъ навѣрно не было ни одного не раненаго... Въ числѣ прорвавшихся былъ и молодой офицеръ, начальникъ казачьяго развѣзда. Онъ первымъ вскочилъ на коня и, выхвативъ шашку, съ гикомъ кинулся на ближайшаго японца... Японецъ выстрѣлилъ, но промахнулся... Въ это мгновеніе надъ его головой ярко сверкнулъ клинокъ и съ размаха врѣзался ему въ темя... Заливаясь кровью, японецъ тяжело свалился подъ копыта лошади... Кругомъ неистово гремѣли выстрѣлы. Офицеръ почувствовалъ, какъ что-то сильное толкнуло и обожгло ему бокъ... Его даже качнуло отъ удара, но онъ напрягъ всѣ свои силы и, крѣпко уцѣпившись лѣвой рукой за лукъ сѣдла, правой продолжалъ махать окровавленной шашкой... Смутно различалъ онъ передъ собою скуластыя рожи японскихъ солдатъ, слышалъ ихъ гортанные крики, напоминавшіе крики хищныхъ птицъ, стоны и вопли разстрѣливаемыхъ казаковъ... Запахъ свѣжей человѣческой крови щекоталъ ему ноздри... Но вотъ все это исчезло. И японцы и стоны остались позади, только изрѣдка угрозиво повизгиваютъ около самыхъ ушей пули... Выстрѣлы затихаютъ... Офицеръ чувствуетъ, какъ его конь словно стелется по землѣ... Съ каждымъ прыжкомъ разстояніе, отдѣлившее его отъ враговъ, увеличивается, а съ этимъ растетъ надежда и увѣренность въ спасеніи... Ущелье далеко позади; уже не слышно назойливаго посвистыванія пуль... Офицеръ вобралъ всю грудь воздухъ, чтобы перевести духъ, но при этомъ движеніи словно острия когти впились ему въ бокъ... Отъ нестерпимой боли голова его закружилась, онъ качнулся вправо, влѣво, разомъ весь какъ то ослабѣлъ, осунулся, руки выпустили поводья, опѣмѣвшія ноги выскользнули изъ стремянъ... Еще нѣсколько скачковъ и онъ тяжело повалился съ сѣдла... Послѣдней его мыслью было: «Неужели это смерть!»

Б. Пютчевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

